

АГИОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ДЕТСКАЯ СВЯТОСТЬ

В.В. АБРАМЕНКОВА *

Статья посвящена одной из проблем психологии религиозного сознания – представлениям о детской святости и святых детях в русской культуре. На основании анализа агиологических источников («житий») автор выявляет ряд психологических характеристик святого детства. Ставится вопрос о детской святости, в том числе в современном контексте, как особой духовной одаренности личности. Разрабатываемая автором агиологическая психология предлагает возможный путь изучения духовности как сущности человека.

«О, детство! Ковш небесной глуби!»

о. А. Ельчанинов

Агиология – наука о житиях святых, канонизированных Церковью и запечатленных особым почитанием в религиозном сознании народа. Агиология обращена к сверхъестественному и описывает его проявления в рамках канона. Доступны ли психологии, которая строится на основе анализа поведения человека, его мотивации, особенностей его личности, отношения к миру, эти проявления, и может ли святость стать предметом психологического изучения? В какой степени тексты жизнеописаний святых могут служить достоверным материалом для психологического исследования? Может быть, в той же мере, в какой художественная литература, документы, биографии и прочие словесные источники оказываются фактической основой биографического метода в психологии, с помощью которого исследуется и проектируется жизненный путь личности, разворачивающийся в контексте истории?

Жития святых – это особая литература, в которой сведены к минимуму домыслы и личная творческая фантазия агиографа, «чтобы не погрешать против истины». По мнению современного агиографа игумена Дамаскина Орловского, «психологию святого и особенности его личности

* *Абраменкова Вера Владимировна* – доктор психол. наук, ПИ РАО

можно передать только через действительные факты, если таковые Господь сохранил» (цит. по: «Нескучный сад», № 1, 2004, с.91). И если икона есть не портрет святого, а его образ, созданный для молитвенного к нему обращения и почитания, то и житие – не биография, а *святопись* (Лепяхин, 2002, с.46). Житие творит художественный документ, удостоверяющий святость человека, оно указывает на основные ступени в духовной жизни личности, через каноничность предоставляет читателю как бы словесную икону для подражания святому.

В русской церковно-религиозной традиции понятие «*святость*» оказывается гораздо древнее и христианства, и самой русской культуры. В его основе лежит праславянский элемент, родственник многим славянским языкам, а также литовскому, древне-прусскому и ряду других индоевропейских языков, означающий «*возрастающий, цветущий, процветающий, увеличивающийся в объеме*» (Фасмер, 1996, с.585). В русской традиции эпитет «*святой*» символизировал плодородие как высшую степень бытия, а в дальнейшем – святой мир вообще: святое дерево, гору, озеро, святую землю, святой народ, ведущий святую жизнь. В этом святом мире предназначение и идеал человека – становиться святым, возрастать к святости как плодородному колосу или пашне, дающей обильный плод. Отсюда – распространение, в славянскую дохристианскую эпоху, таких имен, как Святослав, Святомир, Святополк, указывающих на жизненную задачу человека. Как пишет В.Н. Топоров в своем фундаментальном исследовании роли святых и святости в русской духовной культуре, русская версия святости восходит к идее сакральности в древнерусской традиции, которая выражается в том, что все должно быть сакрализовано, вырвано из-под власти злого начала и возвращено к исходному состоянию целостности и чистоты. Эта идея далее развивается в представлении о новом типе святости – духовном, возрастании в духе, творчестве. Русская агиография – это «литература о лучших людях, просветленных верою и избравших себе образцом для подражания образ Христа, об их жизненном подвиге, об их святости, о том идеальном мире, которому они учили, который существовал и для составителей житий, и для их читателей» (Топоров, 1995, с.12).

Народная вера, религиозно-нравственная оценка человека порой оказывалась едва ли не самым главным основанием для церковной канонизации, наряду с подвижничеством святого, чудесами и, иногда, его нетленными мощами. Святой – это человек, в ком пребывает особый вид духовно *благодатного возрастания*; в этом смысле и взрослый, и ребенок уравниваются в этом едином качестве поэтапного роста, развития как устремленности к горнему миру.

Агиографическая (житийная) литература на протяжении веков была излюбленным домашним чтением наших предков, формирующим особый тип русской ментальности. В то же время она является средством постижения духовной жизни народа.

Как пишет русский философ и историк Георгий Федотов, «*в допетровские времена сложился архетип духовной жизни русского народа, ставший идеалом для всех последующих поколений*» (Федотов, 1990, с.32). В русской истории происходили существенные изменения самих типов святости. История русской святости начинается со святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба, позже к ним присоединяются монахи, святители, далее – князья, прославленные своим общественным и религиозным служением. Наконец, XV–XVI вв. ознаменованы новым типом подвижничества, которого не знало латинское (католическое) христианство, – подвигом юродства.

В жизнеописаниях святых встречались имена детей и отроков, прославленных Церковью и почитаемых народом. Таким образом, можно сказать, что в русской православной традиции существует особый тип святости, не привлечший еще внимания исследователей, – это чин *детской святости*, который составляют почитаемые, местно чтимые или канонизированные Церковью дети (младенцы до 7 лет и отроки до 15 или до 18 лет). Представляют интерес также жития с описанием детских и юношеских лет будущих святых.

Кто они – святые русские дети и отроки? Среди них есть *царевичи и князья*, такие, как царевич Димитрий Углический (конец XVI в.) и юный князь Глеб Владимирский (XII в.), младший сын св. благоверного князя Андрея Боголюбского. Есть и *преподобные*, монахи, такие, как двенадцатилетний инок Иоасаф Кубенский, князь Заозерский (середина XV века), умерший в монастыре, благословляющий всех братьев-монахов, как отец. Были среди них *юродивые Христа ради*: Иаков Боровический, Иоанн Устюжский (XV век) и др.

Особое религиозное благоговение питалось в народе к детям, погибшим насильственной смертью, что приближает их к русским *страстотерпцам и мученикам*: это отрок Гавриил Слуцкий (1690г.), отрок Иоанн Углический (XV век), юный Василий Мангазейский (конец XVI века), погибший от рук мучителя и убийцы. Совершенно особняком стоит житие святого *праведного* отрока Артемия Веркольского (XVI век) – крестьянского мальчишки из глухой деревни в Архангельской губернии, в 12 лет убитого молнией.

Уже краткое перечисление детей-святых невольно вызывает вопрос: почему, за какие заслуги перед Церковью и государством эти имена ока-

зались в святцах? Почему, например, не князь Ярослав Мудрый, а его современник – кроткий княжич Феодор Новгородский, в 16 лет внезапно умерший накануне своей свадьбы, сподобился венца святости?

Для российской духовной традиции характерно особое отношение к ребенку как «наследнику Царствия Божия», что находится в парадоксальном несоответствии с низким социальным статусом ребенка в обществе и таким отношением к детству, которое характеризуется, с точки зрения человека нашего времени, завышенными требованиями к ребенку, излишней суровостью его воспитания и его юридическим бесправием. Вместе с тем, в различных слоях и сословиях общества присутствовало весьма уважительное отношение к детской жизни. Это выражалось не только в религиозных представлениях о ребенке как воплощении ангельской чистоты, простоты и целомудрия, но и в признании автономного мира ребенка, детской субкультуры и пространства детских игр, шла ли речь о дворянском особняке или самой бедной крестьянской избе. Скажем, в микрокосме дома самое высокое, «небесное» место – полати (дощатый настил над печкой) – было предназначено детям, а детские игрушки бережно сохранялись, передаваясь из поколения в поколение, поскольку ребенок воспринимался как посланник небес, душа, данная Господом на хранение.

Парадоксальность детской святости кажется еще более очевидной при обращении к историческим материалам о месте детства в социальной жизни русского народа. Для российской ментальности и традиционных представлений характерно было непризнание ребенка как самостоятельного существа, что зафиксировано, в частности, в языке: этимология слова «ребенок» восходит к слову «рабь», а слово «отрокъ» в Древней Руси означало «не имеющий права говорить». С одной стороны – существование автономного мира детской субкультуры, мира, созданного детьми «для себя», и специфического детского фольклора и быта, передающихся из поколения в поколение на протяжении тысячелетий (*Абраменкова, 2000; Виноградов, 1930*), а с другой – отсутствие, вплоть до XIX века, в российском законодательстве пунктов, защищающих права и интересы детей (*Нечаева, 2000*).

Следует, правда, отметить, что отношение взрослых к ребенку и детству на протяжении истории претерпевало существенные изменения: это путь от ребенка-раба в языческой древности, которого можно было продать, к ребенку как цели патриархального брака; от ребенка «маленького взрослого» – к ребенку как самостоятельной, ценной в себе личности. По сути дела, именно христианство подготовило этот переход, когда две тысячи лет назад Иисус Христос поставил дитя в самый центр собрания

взрослых и сказал изумленным апостолам: «Аминь глаголю вам, аще не обратитесь, и будете яко дети, не внидете в царство небесное. Иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий во царствии небеснем. И иже аще преемлет отроча таково во имя мое, мене преемлет» (Мф. 18, 3-5).

По справедливому мнению о. Василия Зеньковского, «Церковь всегда хранила и помнила слова Спасителя о детях, но она никогда не ставила их в центре всей антропологии... Внимание к детству, к его своеобразию и особой психической структуре вообще зарождается лишь в XVIII веке, достигая своего полного раскрытия уже в XIX веке, когда создается особая наука о детской душе. Но все же XVIII веку принадлежит огромная заслуга возврата к новозаветным мотивам в антропологии» (*Зеньковский*, 1996, с. 16).

Таким образом, христианство, пришедшее на Русь, постепенно укorenяло в сознании народа отношение к ребенку как наследнику царства Божия и равноправному члену сообщества – семьи, общины, государства, что проявлялось в самых разных сферах культуры:

- в демографических установках – народных представлениях о том, что бездетность – величайшее горе и наказание Божие за грехи, которые сохранились вплоть до 60-70 годов XIX, а в некоторых губерниях до начала XX в. (*Миронов*, 1977);
- в государственных регламентированных актах (в Русской Правде, Кормчей книге существовали статьи о детях: их нельзя убивать; продавать дозволяется только в крайней нужде; матери, убившей дитя во чреве, назначается восьмилетняя епитимья и пр.);
- в семейном быте, где строгое воспитание сочеталось с предоставлением особого физического и психологического пространства для детской жизнедеятельности, – неперемennого наличия детской комнаты в дворянских домах (*Лотман*, 1994) и полатей – «небесного места» в микрокосме русской избы;
- в отношении к детской игре (игра как таковая считалась не подлинной жизнью, что зафиксировано в многочисленных русских пословицах, – «Игра не доведет до добра», «Делу время, потехе час» и др., но при этом детская игра и игрушка в народной жизни занимала почетное место: игровые постройки взрослыми не разрушались, мастерились разнообразные игрушки и пр.) (*Абраменкова*, 2001).

Неоднозначное отношение к детству в русском сознании, похоже, не объясняет природы такого явления, как детская святость. Возникает воп-

рос: может быть, речь идет о простом заимствовании из византийских житий?

Безусловно, древневизантийская агиография не могла не оказать своего влияния на представления о святости на Руси. Однако, почти все святые дети в византийской традиции – это мученики за веру, за Христа. Самыми первыми христианскими мучениками оказались малые дети – 14 тысяч Вифлеемских младенцев, убиенных по приказу царя Ирода только за то, что среди них мог оказаться Младенец Христос. Позднее, в первые века христианства, ярчайшими представителями детей-мучеников оказались юные жительницы Древнего Рима Вера, Надежда и Любовь – особо почитаемые до сего времени святые девочки 12, 10 и 9 лет, жившие при царе Адриане, гонителе христиан, и принявшие мученический венец за отказ поклониться языческим богам. Значительно менее известно житие троих мальчиков (их имена не сохранились) и матери их Феодотии, живших и мужественно претерпевших мучения около 304 года в царствование императора Диоклетиана.

Следует, однако, отметить, что почитание святых детей берет свое начало еще в ветхозаветной традиции. Мученический венец за верность Богу и обычаям отцов задолго до Христа приняли некоторые дети-израильтяне. Священное Писание и Предание свидетельствует о мученической кончине грудных детей вместе с матерями во времена Иудейских войн.

Царь Антиох во II веке до Рождества Христова, разорив Иерусалим, ограбил храм, превратив его в идольское капище, запретил все иудейские законы и обряды. Две женщины-иудеянки, обрезавшие по закону своих младенцев, были схвачены, их водили по городу для устрашения, подвесив младенцев к соснам, затем сбросили с городской стены вместе с детьми.

Маккавейские отроки (166 г. до Р.Х.) – вместе со своей матерью, знатной иудейкой, – были схвачены и отправлены к царю в Антиохию, где подверглись пыткам и устрашениям, дабы отступили от отеческого Закона и Бога Саваофа. Все отроки, начиная с самого старшего, были умерщвлены на глазах у матери Соломии, которая поддерживала их в подвиге такими словами: *«Я не знаю, как вы явились во чреве моем: я не дала вам дыхание и жизнь; не мной образовался состав каждого из вас. И Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы не щадите самих себя за Его законы»*. Эта чистая жертва за Закон Господа Вседержителя была принята, Бог умилился над народом еврейским, и воин Иуда Маккавей освободил Иерусалим.

Трое отроков – Анания, Азария и Мисаил – за 600 лет до Р.Х., при царе Навуходоносоре, явили чудо: в огромной раскаленной печи Вави-

лонской они ходили посреди пламени, воспевая Бога, и огонь им не повредил. Навуходносор тогда уверовал, сказав: «Благословен Бог, Который послал ангела Своего и избавил рабов своих, надеющихся на него».

Во времена гонений на христиан миллионы детей, имена которых не сохранила история, приняли мученическую кончину вместе со взрослыми – родителями и учителями. И лишь некоторые из них оказались в житиях.

Трехлетний младенец Кирик в царствование императора Диоклетиана пострадал вместе с матерью, благородной Иулитой, в доказательство верности Богу, обратив этим подвигом сотни язычников.

Мученик Вит, отрок 12-ти лет (начало IVв.), проживавший в Сицилии, единственный сын богатых и знатных родителей-язычников, был просвещен чудодейственной благодатию Духа Святого и познал единого истинного Бога. Однажды он услышал божественный глас: «Я явлю на тебе милость Мою!», после чего дарована была отроку сила творить чудеса, исцелять недуги людские, проповедовать Христа, «дабы еще в отроческих летах блаженный был не мальчиком, но мужем, сильным в слове и в деле». Исцелив от беса сына нечестивого царя Домициана, блаженный Вит отказался принести жертву богам и был заключен вместе со своим учителем Модестом в темницу, где ему явился Господь со словами: «Мужайся, Вит, и будь тверд. Ибо Я всегда с тобой». Император Диоклетиан, при огромном стечении народа, велел сжечь святого в кипящем олове, но это не принесло отроку вреда, затем он велел выпустить на Вита огромного лютого льва, один рев которого люди не могли выносить. «Неужели и сего победят волшебства твои?», – сказал царь святому. Вит осенил себя знаменем креста, и тотчас лев упал к ногам его и стал лизать его ступни. Уверовало после того в Бога Христа множество народа. Нечестивый царь мучил Вита, его кормилицу, обличавшую нечестивца, и его учителя. Святой отрок молился: «Господи, прими с миром души наши к Себе. Тех же, кто почит страдания наши, сохрани от всяких зол и приведи в Небесное царство Твое», – и святые мученики одновременно предали души свои Господу.

Преподобномученик Конон и сын его Конон (Шв.) вместе ушли в монастырь, раздав имение, когда мальчику было 7 лет. Спустя десять лет, нечестивый правитель, прослышав о благодатной жизни отца и сына, пытался уговорить юного Конона отказаться от отца земного и от Отца Небесного, но, получив твердый отказ, предал их на мучения, которые они стойко претерпели.

Мученик Потит, 13-летний отрок, жил в царствование императора Антонина в Сардинии. Острый разумом, имеющий дар учить других, он исполнился великой духовной премудрости в познании Священного Писания. Отец-язычник в гневе запер его и морил голодом, говоря: «Пусть

питает тебя Тот, Кого ты чтить». Потит горячо молился Богу об отце, действовал на отца силой своего убеждения, и отец его уверовал и был крещен. Потит проповедовал Евангелие в различных городах и весях. Он исцелил прокаженную, и это чудо обратило ко Христу полгорода. Божиим повелением звери повиновались ему и следовали за ним. Отрок Потит исцелил от беса дочь царя Антонина, но тот, вместо благодарности, подверг его мучениям. Силою молитвы святой отрок разрушил идольское капище и после мучений был брошен в темницу, куда ему явился светоносный ангел, укрепляя его. Святого варили в котле, травили изглодавшимися зверями, разрубали на части, но не могли причинить ему зла. Наконец, царь велел отрезать ему язык и выколоть глаза. Свершилось чудо: безязыкий юный мученик Христов пел 33 псалом: *«Благовословлю Господа на всякое время. Выну хвала его во устех моих»*. Ко Христу тогда обратилось две тысячи народа.

Семь отроков Эфесских (Шв.), сыновья знатных родителей, – Максимилиан, Ямвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Екзакустоидан, Андроник, – жили при нечестивом императоре Декие, воздвигшем жестокие гонения на христиан. Готовясь к мученической кончине, мальчики-христиане закрылись в пещере, которая, по приказу правителя, была завалена камнями. «Время шло, гонения продолжались. Новые мученики совершали свой подвиг; умерли люди – современники Декия, забыли имена замурованных отроков, пропала и память о них, а над пещерой, видевшей их подвиг, все бодрствовало Божье око» («Святая юность», 1994, с.242). Через два века, уже при императоре Феодосии, в правление которого явилась еретическая секта, отрицающая воскресение мертвых, чудесным образом сон святых отроков был нарушен. Подобно воскресению Лазаря, отроки были обретены живыми и прекрасными, чтобы посрамить еретиков, отрицающих воскресение мертвых.

Отрок Варул, вместе со своим учителем Романом, пострадал за Христа в Антиохии в 303 году. Он оказался способным исповедовать свою веру перед языческим правителем, бесстрашно вступил с ним в диалог, дерзновением и красноречием своим посрамил мучителя, обратив немало народа к христианской вере.

Не менее мужественны и стойки в вере были девочки-христианки.

Четырнадцатилетняя преподобная Марина (начало VIII века) пришла в монастырь по детской любви к отцу и подвизалась с ним в облике отрока, стала иноком; несла несправедливые поношения и унижения после смерти отца, но не открыла свой пол.

Десятилетняя мученица Акилина (конец Шв.) с 10-ти лет проповедовала Христа среди сверстников, а в 12 лет, представ перед языческим правителем Палестины, претерпела страшные мучения и смерть.

Царская дочь, 12-тилетняя Ирина, духовная дочь апостола Тимофея, отвергнувшая языческих богов, роскошь и поклонение, была великой проповедницей слова Христова, подверглась бесчеловечным истязаниям, была казнена, но ангел воскресил ее, и несколько тысяч горожан, видя чудеса и мужество ее, уверовали во Христа.

Дочь знатного язычника, юная великомученица Варвара (начало IV в.), при нечестивом римском царе Максимиане была жестоко истязается собственным отцом. Наставляемая Святым Духом, Варвара познала Истинного Бога и получила дар сохранять молящихся ей от внезапной и напрасной смерти без покаяния.

Преподобномученица юная дева Анастасия Римлянка, осиротевшая в 3 года, во времена императора Декия, жестокого гонителя христиан, вступила в тайный монастырь. Претерпела страшные избиения и пытки, но осталась верна Христу.

Подобных примеров в агиографической литературе немало, и однако нет никаких оснований говорить о прямом заимствовании из византийских источников в русской православной традиции святости, поскольку среди русских детей, погибших насильственной смертью, не было мучеников за Христа¹, не было и проповедников христианства. Исключение, пожалуй, может составить русский первомученик Иоанн Киевский, младенец, погибший от рук язычников в Киеве за несколько лет до крещения Руси (983г.).

Сын варяга Феодора, крестившегося в Византии, младенец был по жребию избран в жертву языческим богам в Киеве, где находился вместе с отцом-воином из Византии. Посланные, придя к Феодору, сказали: «Дай сына богам, чтобы мы принесли его в жертву». Феодор открыто исповедовал себя христианином: «У вас не боги, а дерево... Бог один, которому служат и поклоняются греки. Он сотворил небо и землю, солнце и человека. Не дам сына моего бесам». Разъяренная толпа язычников окружила дом и, подрубив столбы, напала и убила мучеников. После Крещения Руси на месте их мученической кончины князем Владимиром была построена знаменитая Десятинная Церковь, посвященная Пресвятой Богородице, а почитание их совершалось уже во времена преподобного Нестора. Как написано автором жития, «невинной кровью мученика Киев был предуготован к принятию святого крещения» («Святая юность», с.178).

При всей невозможности объяснить *природу святости*, исходя из научной логики, или анализировать ее с точки зрения здравого смысла,

¹ Безусловно, здесь речь не идет о сонме детей-новомучеников и исповедников российских последних времен. Надеюсь, этот очень важный разговор – впереди.

попытаемся все же обозначить **общие черты в житиях святых детей**, объединенных понятием святости как «некоего «сверхчеловеческого» благодатного состояния, когда происходит творчество «в духе» (Топоров, 1995, с.480).

В качестве такого рода общих черт могут быть приняты так называемые *топосы*, то есть общие места, повторяющиеся в разных житиях, – риторические обороты, диктуемые жанром трафареты, своего рода литературные «клише». Однако, исследования документов, предпринятые для написания жития или обоснования канонизации подвижника, свидетельствуют, зачастую, об ином. Как убеждает известный агиограф, составитель жизнеописаний святых Русской Православной Церкви, игумен Дамаскин Орловский (2004, с.93), «повторяющиеся черты в облике святых – это **реальность**».

Семья и окружение святых детей

Первое, что обнаруживается, это то, что многие святые дети «вымолены» своими родителями, они, как сейчас говорят, «желанные», и эта «желанность» не ограничивается только мотивационно-психологическими характеристиками. Появление человека на свет предварялось таинственным благодатным и молитвенным предуготовлением родителей к зачатию ребенка, само зачатие происходило в чистоте, без-страстии, как бы в богоприсутствии, время плодоношения проводилось в строгом посте, богомыслии и духовной сосредоточенности. «Все время, пока мать носила в себе жизнь ребенка, она соблюдала себя в великом воздержании, охраняя жизнь того, кому предстояло стать сосудом Святаго Духа» («Святая юность», 1994, с.40). Всем этим обеспечивались особые условия пренатального развития ребенка.

Молитвами, слезами и милостынями богатые и благочестивые, но бездетные родители святителя Николая Чудотворца, Феофан и Нонна, вымолили себе сына, который явил чудеса до своего рождения и в самом младенческом возрасте. Когда его крестили, грудной младенец стоял в купели, подобно взрослому, он никогда не брал левую грудь матери в знамение того, что он будет в царстве Господнем стоять одесную (по правую сторону – *авт.*) Вседержителя. По средам и пятницам, в постные дни, он только раз принимал грудь, после того, как родители помолились на ночь.

Мать преподобного Симеона Дивногорца святая Марфа предназначала себя к целомудренной жизни, но ей было указано свыше вступить в брак. Она обещала отдать дитя Богу, и ей был дарован сын. Шести лет мальчик удалился в пустыню, где его питал светоносный ангел, потом в

подвиге столпничества стал подвизаться на Дивной горе. Прибыв навестить его, св. Марфа удостоилась лицезреть небесные палаты, которые вымолил ей сын.

Молитвенный подвиг и вера родителей приносили достойный плод – будущего подвижника, который, вопреки законам естества (старость, болезнь, бесплодие родителей), родился здоровым и после рождения посвящался Богу.

Святитель Феодор, епископ Эдесский, происходил из семьи богатых и благочестивых родителей, творящих дела милосердия, усердно молившихся о даровании им наследника. Однажды им было видение: св. вмч. Феодор Тирон вложил им в руки младенца, произнося: *«Вот вам сын, да будет имя ему Феодор, потому что воистину Божиим даром будет это дитя»* (Феодор – с греч. «Божий дар»).

Широко известно чудо преподобного Сергия Радонежского, возгласившего трижды во время литургии в храме, находясь в утробе матери. Троекратный крик младенца, находящегося в пренатальном состоянии, противоестественен, он был особым знаком избранности дитя. Этот знак, по просьбе родителей будущего святого, был истолкован иереем Михаилом – знатоком Священного Писания и Предания: *«Не скорбите о сем, но паче радуйтесь и веселитесь, – сказал он, – яко будет сосуд избран Богу, обитель и служитель Святыя Троицы»* (цит. по: Топоров, 1995, т.2, с.373).

Раннее детство святых детей и даже их пренатальное развитие нередко сопровождается особыми знаками их духовной одаренности: благодатными знамениями или прямыми свидетельствами их будущего божественного служения.

При встрече св. праведной Елисаветы с Пресвятой Богородицей Девой Марией «взыграл младенец во чреве ея» – будущий Иоанн Креститель сверхъестественно (Духом Святым) «узнал» еще не родившегося Спасителя.

Когда будущий святитель Амвросий, епископ Медиоланский, спеленутым младенцем спал в саду с открытыми устами, прилетевший рой пчел мгновенно облепил ребенка, и пчелы, вползая ему в рот, оставляли там мед. Это чудо видел его отец, предрекая, что этот младенец будет великим. Господь показал на нем исполнение слов Писания: *«Сотворе медовнии словеса добрая, сладость же их исцеление души»* (Притч. 16:24). И действительно, свт. Амвросий отличался особыми усладительными поучениями, которые веселили сердца людей и поднимали их от земли к небу.

Раннее младенчество святых детей зачастую было отмечено чудесными явлениями и событиями, несовместимыми с физиологическими нормами развития.

Св. Иринарх, затворник Ростовский, крестьянский сын, необыкновенно быстро рос, так что ходить он начал, имея от роду двадцать недель.

Преп. Сергей Радонежский не брал грудь матери своей во дни, когда она употребляла мясо в пищу, а также по постным дням, средам и пятницам, оставаясь при этом здоровым и веселым.

Общей чертой святого детства является также благочестивая семья, в которой ребенок еще в утробе матери приобщается к молитве. Благоприятная семейная ситуация в период раннего развития – важное условие детской святости. Исключения составляют святые дети первых веков христианства, семейная ситуация которых чаще носила характер, неблагоприятный для формирования благочестия. Не *благодаря*, а *вопреки* негативному опыту раннего онтогенеза (языческому воспитанию, жестокости нравов и пр.) такой ребенок зрел как христианин.

После 22 лет бесплодного брака забеременела жена римского сенатора Марка. Будущие родители пошли в капище, чтобы в благодарность принести жертву богам. Главный жрец, увидев женщину, стал дико кричать: «От этой жены родится тот, который разорит до основания этот великий храм и сокрушит в нем богов!» Это был будущий святой отрок Понтий. Однажды знатный отрок услышал литургическое пение в одном из домов, уверовал во Христа, вскоре обратив и своего отца, а будучи уже сенатором, во дни царствования царя Филиппа, он действительно сокрушил капище Юпитера до основания.

И в русской христианской традиции святости ребенку не всегда благоприятствовала семейная среда.

Будущий отец русского монашества преподобный Феодосий Печерский тяжело страдал от собственной матери, которая избивала его до полусмерти, заковывала в кандалы, отвращая от пути Христова. Кротостью и смирением преп. Феодосий обратил жестокое сердце своей матери к покаянию, так что в последнее их свидание она со слезами просила прощения у сына, и окончила дни свои в монастыре.

В житиях святых детей нередко описывается ситуация трудных, иногда экстремальных, условий их ранней социализации. Таким детям, зачастую, рано выпадают на долю суровые испытания: сиротство, крайняя бедность, голод и холод, издевательства, побои, насмешки сверстников.

Поучительно в этом смысле детство бедного мальчика-сироты отрока Тимофея – будущего святителя Тихона Задонского.

Уже в младенчестве осиротевший, мальчик изведдал голод, нужду и оскорбления. «Худые ризы» мальчика были поводом для насмешек окружающих его людей. В житии пишется так: «Над ним и над убожеством его издевались его товарищи – дети богатых священников» («Святая юность», 1994, с.252). Они любили дразнить его, размахивая перед ним лаптем, как кадилом, и приговаривая: «Величаем тя, Владыко». Спустя годы, когда Тимофей стал архиереем Тихоном, священники, бывшие его товарищи, действительно величали его, размахивая теперь уже настоящим кадиллом.

Священномученик Климент Анкирский осиротел в 12 лет, и мать, перед смертью, напутствовала его в христианской вере. Осиротевший отрок собирал по дорогам брошенных языческих детей, одевал их, учил и приводил к святому крещению. Св. Климент уже в юношеском возрасте стал епископом. Во времена гонений императора Диоклетиана двадцатилетний епископ был схвачен и, в течении 28 лет, подвергался мучениям, унижениям, гонениям, а затем был обезглавлен.

В 6 лет умерла мать у будущей дивной русской святой праведной Иулиании Лазаревской (XVI век), ставшей подлинно заботливой матерью всех голодных, больных и сирых, являя удивительные примеры помощи, заботы, сострадания.

Горький трехлетний татарский плен мальчика Василия – будущего святителя Варсонофия, епископа Тверского (XVI век), выковал из него пламенного проповедника среди татар и великого молитвенника.

Будущий святитель Гурий, первый архиепископ Казанский, в юности был оклеветан из зависти, по приказу князя брошен в ров и много месяцев провел в нем, питаемый, как скотина, овсом и водой. Юный страдалец не обозлился, не сетовал на свою судьбу, а сочинял азбуку для детей. Его старый товарищ отдавал ее на базаре в городе, принося взамен бумагу и чернила. Чудесным образом он освободился и ушел в Соловецкий монастырь. В 1555 году он был рукоположен в сан архиепископа Казанского.

Безвинный страдалец, благоверный княжич Иоанн Углический, осиротел в 6 лет, а в 14 был посажен в вологодскую темницу, где в окопах провел 32 года. По смерти начались чудотворения и исцеления многих в городе по молитвам страстотерпца.

Здесь нужно вспомнить и о бедном, голодном детстве святого праведного Иоанна Кронштадтского и многих других святых подвижников.

Общим местом в житиях почти всех святых детей является характерное для такого ребенка с ранних лет особое благочестие – строгий пост, усиленная молитва.

Будущий преподобный Иринарх, затворник Ростовский, удивительным образом стремился к тяжким подвигам с младенчества, не любил играть, был кроток, тих и в 6 лет сказал матери: «Вот вырасту, постригусь, буду носить на себе железо и трудиться ради Бога, буду всем наставником». Слова ребенка оказались пророческими.

Отрок Давид, будущий преподобный Дионисий, архимандрит Киево-Печерского монастыря, много терпел от своих сверстников – мальчикам не нравилось его смирение, и они били его за то, что он не хочет с ними играть. Но Давид все переносил кротко и с простотой сердца. Мальчик имел стремление ко всем добродетелям.

Чудесные явления детям

Святым детям свойственны особые мистические переживания, благодатные видения, чудесные явления Господа, Божией Матери, ангелов, святых.

Явления ангела Господня, наставляющего в богопознании, сподобилась мученица Христина, дочь знатного и богатого сановника города Тира. В 11 лет она ходила по водам, взглядом разбивала языческих идолов, своей стойкостью обратила ко Христу тысячи язычников.

В сонном видении явились апостолы Петр и Павел юному царевичу Ордынскому Петру (XIII в.), повелевая ему идти к епископу с такими словами: «Апостолы Христовы Петр и Павел послали меня к тебе, чтобы ты соорудил церковь во имя их на месте, где я уснул, и в знамение этого я несу тебе иконы и данные мне два мешка» («Святая юность», с.203).

Крестьянский мальчик, будущий преподобный Козьма Яхромский (XVв.), сподобился видения иконы Успения Божией Матери и услышал голос, определивший его судьбу: «Будь иноком, строй обитель во имя Мое».

Преподобный Иона Киевский, бывший послушником у преподобного Серафима Саровского, впоследствии основатель Киево-Свято-Троицкого Общежительного монастыря, во младенчестве сподобился дивного видения, которое чудесным образом запомнил и описал. На первом году жизни, мать, работая в поле, оставила младенца лежащим под деревом, поскольку он не умел еще ни сидеть, ни ползать. Мальчик наблюдал за парящими в небе птицами. К нему подошел благообразный старец и заговорил с ним: «Что ты смотришь, тебе нравится то, что птицы летают?... Даст тебе Господь крылья не временные плотские и тленные, но истинные крылья, возносящие горе и горе к Богу, и тогда будешь парить» («Архимандрит Иона», 1995, с.13). Потом он видел себя уже в образе семилетнего мальчика, когда вместе со старцем были восхищен сквозь бури, ветры, глубокие пропасти в горние обители, где «небо новое и зем-

ля новая, свет неизреченно сияющий, воздух легкий, тонкий, земля чистая, светлая...» (*там же*, с.17). Мальчик затем предстоял перед Господом Богом, но уже в образе юноши 21 года, в крепости и силе. Ему была дадена премудрая книга, которую необходимо было съесть. И была она сладка как мягкий хлеб, но потом принесла несказанную горечь и болезнъ. Но затем он ощутил в себе великую силу и возраст мужа 30 лет, которого облачили в военные доспехи и оружие. Таким символическим образом душа семимесячного ребенка – будущего святого преп. Ионы – мистически, таинственно и образно научалась в законе Господнем устами апостолов, святых, Самого Господа и Божией Матери.

Чудотворения святых детей

В русской житийной традиции, так же, как и в других восточно-христианских традициях, присутствуют чудотворения святых детей, но более всего – после их кончины. Святые их мощи, иконы с их изображением, обращение к ним в молитвах, по свидетельству документов, являются чудотворными. Исключительное, в этой связи, житие, не имеющее аналогов в агиологии, – жизнеописание русского мальчика Бориса Ушакова, святого схимонаха Боголепа.

Преподобный отрок схимонах Боголеп Черноярский, Астраханский (прославился в XVII веке на юге России) был сыном московского дворянина воеводы Ушакова. При крещении ему было дано имя Борис. Мальчик отличался исключительными особенностями – благочестивыми дарами: не вкушал по средам и пятницам молока от груди матери своей; когда звонили церковные колокола, начинал сильно плакать и успокаивался, когда его приносили в храм. В 1651 году, когда Борису было четыре года, отца его назначили воеводой на самые южные рубежи России в крепость Черный Яр, что между Астраханью и Царицыном. Через несколько лет астраханскую землю поразила чума, ребенок заболел – образовалась язва на ноге, но он продолжал просить отнести его в церковь, где ему становилось легче. Болезнь доставляла мальчику сильные страдания, все усилия лекарей были тщетны, и лишь в жаркой молитве он забывался. Однажды маленькому Борису было видение – светящийся Ангел, держа в руках длинное одеяние с распятием, сказал: «Здесь дар Божий за твоё терпение, прими его». Мальчик поправился. Однако, спустя малое время, болезнь вернулась, обезобразив его лицо язвами. Большого посетил странник-схимонах. Его облик так поразил ребенка, что, точно в бреду, он повторял: «Это посланец от Бога, это Ангел». Он стал просить родителей разрешить ему принять постриг и носить ангельское одеяние, но это не представлялось возможным и по возрасту мальчика (в монашество в российской Церкви постригали не ранее 12-ти лет), и по отсутствию в округе монастырей. Однако, все разрешилось чудесным

образом: вдруг появился старец-монах, держа в руках необходимое облачение по размеру ребенка. На следующий день в единственной церкви города совершился обряд пострижения, во время которого отрок был по особенному красив и светел – исчезли язвы на лице, все тело словно излучало свет. Мальчик был облечен в схиму с именем Боголеп, которое представляет собой русский перевод греческого имени Феолемпт, что значит «украшенный Богом». На другой день он был здоров, но через несколько дней, 1 августа 1657г., скончался от огневицы (лихорадки).

Многочисленные чудеса и исцеления стали основанием для прославления чудесного ребенка. Святой преподобный отрок охранял и защищал город от многочисленных набегов степняков, татар, разбойников, являясь им на белом коне с грозными речами: «Уходите, окаянные, вон! Бог поставил меня стражем месту сему, и вы не сумеете сотворить городу зла». Юный схимник приносил исцеление больным, особенно страдающим от тяжелых недугов детям. Через несколько десятилетий чудесным образом была написана дивная икона, на которой святой преподобный был изображен по-детски изящным и непосредственным и, в то же время, исполненным строгости, спокойствия и тайны духовного знания. В древней книге о российских святых о нем была сделана запись: *«преподобный отец инок Боголеп новый чудотворец»*. Как говорится в жизнеописании отрока, *«гордый рассудок не обращает внимания на народные чувства и не убеждается чудесами. Ему кажется лишним почитать семилетнего мальчика и молиться ему, называя святым преподобным отцом»* («Маленький схимник», 2003, с.63). Император Петр, в 1722 году, направлялся в персидский поход и, проезжая через Черный Яр, был раздосадован местным обычаем чтить семилетнего ребенка. Он приказал закрыть часовню Боголепа и сровнять его могилу с землей. Но и после этого святой отрок помогал землякам: по его молитвам моровое поветрие обошло стороной Черный Яр в 1730 году, чудесным образом несколько раз спасались черноморцы из плена, исцелялись больные, и до сего дня мамы и бабушки молятся преподобному отроку Боголепу об избавлении их детей от недугов.

Совсем еще мальчик, в ревности и чистоте своей, преподобный Боголеп заслужил той же славы, что и множество преподобных отцов, подвижавшихся зрелыми мужами, став, как поется о том в кондаке, «похвалой и утверждением всей Российской земли». Целомудренное и открытое детское сердце, любовь к чистой молитве привлекли к нему благодать Божию. Они дали отроку то, что с трудом сохраняется в поздние годы, и что после с великим усердием ищут подвижники, упражняющие себя в заповеди Евангелия: «Будьте как дети». Терпение же, которое проявил отрок в болезни, сделало его зрелым духовно и приобщило к дарам иночества, которое есть бескровная жертва собою для мира и Царствия Божия.

Призвание святого ребенка

Как правило, в жизни святого ребенка существует особый мистический момент, который определяет его избранничество. В житийной литературе часто обозначается 12-летний возрастной рубеж как время призвания ребенка. Уже упомянутый нами святитель Иона в 12 лет постригается в монахи; иноком Иоасафом в 12 лет становится князь Андрей Заозерский; княжна Евфросиния Полоцкая, отличающаяся редкостной красотой и благочестием, в 12 лет постригается в монахини, становясь невестой Христовой. Призвание обычно происходит в особом состоянии сознания – в период тяжелой болезни, в забытии или во сне, и сопровождается чудесным видением или голосом.

12-летний боярский сын, раскинув сети для ловли птиц, внезапно уснул и услышал голос: *«Зачем, Алексей, напрасно трудишься, я сделаю тебя ловцом человеков»*. Этот голос слышал будущий митрополит Московский Алексей.

12-летний рубеж представляет собой особый пункт в биографии будущих святых, тот момент, когда ребенок призывается к служению, как бы оставляя свою прежнюю жизнь и предуготовливаясь к новой. С психологической точки зрения, в этот период отрочества происходит «отпочкование» от родительского лона, наступает время принятия личной ответственности за свою жизнь. Духовное преобразование обуславливает изменения и в умственной сфере. Доселе не способному ребенку открывается премудрость Божия и науки, как это случилось со святыми Сергием Радонежским и Иоанном Кронштадским. Напротив, ребенок, отличавшийся редкой понятливостью и бойкостью ума, вдруг утрачивает эти способности, становясь «дурачком», подобно Иоанну Устюжскому, прославившемуся в 12 лет как Христа ради юродивый, или блаженному Андрею Константинопольскому, принявшему крест юродства и сподобившемуся зреть Владычицу со святыми во Влахернской церкви.

Все совпадения, связанные с 12-летним рубежом в жизни святых детей, вряд ли случайны – число «12» играет большую роль в мифопоэтических системах древнейших культур и в христианской традиции. Так, мы имеем 12 праздников в церковном году, 12 Апостолов Христа и 12 тысяч праведников, помноженных на 12 колен Израилевых в Апокалипсисе св. Апостола Иоанна Богослова. По преданию, будущий антихрист в 12 лет, гуляя по саду, встретится с вышедшим из преисподней сатаной и воспримет силу его.

Возраст отрочества и 12 лет, как пункт перелома в жизни ребенка, имеет кросскультурное значение. В различных нехристианских культу-

рах до сего времени существуют обряды *инициации* – особых испытаний на взрослость для подростков, сопровождающиеся большими физическими и психологическими потрясениями: болезненными операциями по изменению внешности человека (нанесение татуировок, надрезов кожи и др.), сменой его имени, уходом из родительского дома, переменной занятий и пр. Нижней возрастной границей такого испытания во многих традиционных культурах оказывается возраст около 12 лет. В муках инициации происходит рождение новой личности. Сдав этот трудный экзамен на взрослость, мальчик «превращается» в мужчину и может вступать в брак. Не случайно и в Древней Руси брачный возраст, а также возраст пострижения в монашество, устанавливался с 12 лет².

Вероятно, следует говорить о 12-летнем возрасте как важнейшей точке *духовного взросления личности*, неподвластного психологическим изменениям, переживаемого особо остро теми, кто способен различить в потоке противоречивых внутренних импульсов *Голос духовного призвания*. Вспомним ответ 12-летнего Иисуса в Иерусалимском храме, когда он впервые проявил непослушание Матери Своей: «*Зачем вам было искать Меня? Или вы не знали: что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему*» (Лк 2:49).

Святой ребенок и умственные способности

В древних житиях мало говорится о внешних событиях жизни ребенка, будущего святого, о том, что подчиняется *законам естества*, но отчетливо выделяется все, что этот закон преодолевает, свидетельствуя о духовном возрастании и особых знаках избранничества. Поворотные в жизни ребенка события могут даже носить негативный характер, надея его *неспособностью* к чему-либо, например, к обучению грамоте, как у отрока Варфоломея (будущего Сергия Радонежского), или к передвижению, ходьбе, как у Ильи Муромца. Эта задержка развития (*естественного* – умственного или физического), «*неспособность способного*», есть возможность *сверхъестественного* получения дара свыше.

Скромный юный служитель храма святой Софии Премудрости Божией Роман, не разумеющий грамоте, не имеющий голоса и слуха, был тяжело избит и оскорблен клириками в праздник Рождества Христова. После службы он горько рыдал перед иконой Пречистой Девы и молил о даровании ему способности славить Бога в песнопениях. В забыты ему

² Интересно, что в Англии в XVIII-XIX вв. человек именно в 12 лет предстал перед судом и мог быть осужден на смертную казнь.

явилась пресвятая Владычица Богородица, утешила его и дала съесть книгу-свиток, оказавшуюся весьма сладкой. Она открыла ему дар к разумению Божественных глаголов, и Роман, получивший впоследствии прозвание Сладкопевец, спел на вечерней службе чудесную песнь «Дева днесь...»

Порой, причиной насмешек и издевательства взрослых и сверстников оказывалась неспособность такого ребенка к учению из-за плохой памяти, непонятливости и пр. Туго давалось учение будущему святителю Ионе – митрополиту Московскому, преподобному Феодосию Печерскому, преподобному Александру Свирскому, св. праведному Иоанну Кронштадтскому.

Такая «задержка психического развития» сопровождалась, с одной стороны, сокрушением родителей, порой наказаниями, насмешками сверстников и учителей и, с другой стороны, смирением и усердием самого ребенка, его внутренней работой, горячими молитвами, обращенными к Господу. Эти усилия, как правило, увенчивались успехом: после долгих ночных молитв, как бы во сне, свершалось чудо, такое, как со св. прав. Иоанном Кронштадтским – *«словно пелена с глаз упала, и ум в голове открылся»* («Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях...», 1998, с.16). После такого острого мистического переживания ребенок вдруг начинал успешно постигать ученую премудрость, вскоре превосходя всех своих сверстников и даже учителей.

Один из великих отцов Востока Феодор Эдесский, который прославился от Бога даром дивных чудес, был слаб памятью и не скоро усваивал то, что преподавали. Его укоряли учителя, родители, над ним смеялись сверстники, но – тщетно, ибо премудрость ему должна была дароваться благодатию Божией. Он стал прилежно молиться. Однажды он спрятался в алтаре под святым престолом и уснул, и во время сна было ему видение: отрок, сияющий как солнце, питал его сотовым медом, дал ему пастырский жезл и благословил его. Проснувшись, Феодор вышел из алтаря и, увидев архиерея, рассказал ему о себе и своем видении, тот сразу поставил отрока служить чтецом, и с тех пор открылись его умственные способности.

Святой ребенок и игра

Во многих житиях отвержение детских игр будущими святыми является общим местом. Для таких детей характерно также общее отрицание традиционной детской жизни и сообщества сверстников, уклонение от забав и веселья, когда, как пишет автор жития, «ребенок начал лишаться

детского обычая и возненавидел игры детские». Игра, как атрибутивная характеристика детства, его неотъемлемая ведущая деятельность, не является предметом внимания в святоотеческой литературе. По замечанию философа и культуролога Йохана Хейзинга, игра противоположна серьезности как реализму и ответственности, которые должны были бы быть присущи взрослому человеку (*Хейзинга*, 1997).

Суровая оценка игре дана в христианской аскетике, где она рассматривается как замена подлинной жизни. Святитель Феофан Затворник предостерегает: «Играя, не проиграйте своего спасения». В Ветхом Завете слово «игра» используется применительно лишь к музыкальным инструментам. Однако, в Новом Завете в устах Господа звучит упоминание о детской игре: «*Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали* (Лк. 7:32). Блаженный Феофилакт Болгарский, комментируя этот стих из Евангелия от Луки, пишет, что у иудеев была такая игра: толпа детей разделялась на две части и, как бы в насмешку над жизнью, одни – на одной стороне дороги – плакали, а другие – на другой стороне – веселились, пытаясь переманить друг друга на свою сторону. Сравнивая фарисеев с детьми, блаж. Феофилакт пишет, что они отстранили себя, не оказав сочувствия ни Иоанну плачущему, ни Иисусу веселящемуся.

Не сама по себе детская игра противоречит благочестию и святости, а то, что ее часто сопровождает – ссоры, ругань, лукавство и пр. Но этому возможно противостоять.

В детских играх будущий юный епископ Феодор Сикеот «являл разум мужа, оберегался всякого дурного слова, клятвы или хулы, остерегая от этого и своих товарищей. Он имел на них такое влияние, что прекращал между ними всякие ссоры и брань» («Святая юность», с.128).

Есть свидетельства в агиологии о том, что игра способствовала своего рода тренировке, «отработке» тех или иных моментов духовной жизни, богослужения или была особым свидетельством будущего поприща ребенка.

Святитель Афанасий Александрийский (IVвек), «отец православия», детство которого пришлось на период жестоких гонений на христиан при правлении Диоклитиана, наблюдал в этот период примеры стойкого исповедничества и мученичества, что оставило неизгладимый след в его душе. В шестилетнем возрасте, играя со сверстниками на морском берегу, он изображал собой епископа, а других детей назначал диаконами и пресвитерами. К нему подводили еще не крещеных детей, и он крестил

их морской водой, произносятся необходимые молитвы и поучения. Эту игру случайно наблюдал святой Александр, архиепископ Александрийский, и, установив, что дети в игре совершали все согласно уставу Церкви, признал крещение языческих детей истинным и довершил его миропомазанием.

Святитель Амвросий, епископ Медиоланский, в 12 лет играл в священнослужителя, подавая свою руку домашним и говоря: «Целуйте мою руку, ибо я буду епископом». Однако, взрослые отвергали подобные требования. Впоследствии, когда Амвросий стал епископом Медиоланским, и его сестра с благоговением целовала его руку, он слегка улыбнулся и напомнил ей этот случай из детства.

Святой преподобный Афанасий Афонский играл со сверстниками, и всегда ему доставалась игровая роль игумна, а не воеводы или царя, как другим детям.

Жития, описывающие детские годы святых, повествуют о том, как игра порой превращалась в особое действие, воспроизводящее священнослужение.

Будущий патриарх московский Тихон, обладая исключительным природным обаянием и способностью привлекать к себе людские сердца, в детстве, в играх со сверстниками, часто изображал архиерейское богослужение, и дети охотно подчинялись его воле, всегда признавая в нем «владыку».

Святое детство и юродство: смысловые параллели

XV век на Руси ознаменован появлением в духовной жизни народа святого юродства. Что такое юродство? Этимологически, юродивый-юродь-урод-выродок – человек, выброшенный родом, отверженный миром. С точки зрения Церкви, подлинно юродивые, блаженные – отделенные от общества, избранные Богом и призванные к особому служению люди.

Подлинное юродство – это отказ от благ жизни, собственного ума, самоуничужение и самоумаление «до зела», презрение ко всему внешнему. Это, зачастую, осознанное принятие на себя внешнего облика и поведения душевнобольного человека – «ума-лишенного». Святые юродивые отвергались «...той стороны внешней жизни, которая не относится существенно к вечному спасению...отвергались ума...после этого они в общественной жизни являлись подобными несмысленным детям» (*иеромонах Алексей Кузнецов, 1913, с.97*).

Юродивый и ребенок имеют ряд сходных черт. Во-первых, это низкий социальный статус, который порождает благодатное смирение, ибо, по словам старца Силуана, «Благодать Христова в меньших обитает» (*архимандрит Софроний Сахаров*, 2000). Во-вторых, и юродивый, и ребенок, посрамляют мудрость мира сего. Мудрость юродивого – в смешном поведении, в странных действиях, в том, чтобы свое бесславие обращать в славу Божию и в пользу ближним. Апостол Павел учит: «Мы юрودي Христа ради» (1 Кор. 4:10). Мудрость ребенка – «в неведении зла», поэтому только ребенок, как прекрасно описано в сказке Г.-Х. Андерсена, может свободно свидетельствовать, что «король-то голый». В-третьих, ребенка и юродивого объединяет непринадлежность к пространству культуры: если ребенок, как «чистая доска», вынужден приобщаться к нему, порой принудительно, то юродивый покидает его, не взирая на собственную образованность (*Лихачев, Панченко, Поньрко*, 1984, с.78).

Путь юродивого – путь смирения, сознания своей беспомощности, нравственной и физической, своего недостойнства, нищеты духовной. Что касается детства, то, по словам Л.С. Выготского, «ребенок по своей природе оказывается **неполноценным** в обществе взрослых; его позиция с самого начала дает повод для развития у него чувств слабости, **неуверенности** и **затрудненности**. Ребенок долгие годы остается **неприспособленным** к самостоятельному существованию, и в этой неспособности, **неудобстве** детства лежит корень его развития. Детство и есть пора неполноценности и компенсации по преимуществу...» (*Выготский*, 1995, с.109).

Эти «неполноценность», «неприспособленность», «неудобство» являются точками пересечения для ребенка и юродивого, только первый от них постепенно освобождается, второй их приобретает. Ребенок стремится преодолеть неудобства и неполноценность в движении к физическому и психологическому взрослению, для юродивого они есть средства устремления к горней сфере. Действительно, как сказал о.Александр Ельчанинов, «*Детскость утрачивается в жизни и восстанавливается в святости*»³. Известный по житиям дар пророчеств юродивого оказывается соотносим со способностью ребенка к предчувствию, предвосхищению («Дети-пророки», 1997), в которых открываются духовные очи и является смысл, недоступный плоской рациональности, знание незнающих, знание как откровение: «Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Мф. 11:25).

³ Александр Ельчанинов (1881- 1934) – историк, богослов и просветитель русской эмиграции, прежде всего, молодежи.

Значение детской святости и святых детей в духовной культуре

Многие святые дети и отроки христианской древности своим примером обращали в веру Христову сотни и тысячи неверующих, укрепляли в вере маловерных взрослых.

Мученица Василиса Никомидийская (III-IV вв.) пострадала за Христа в девятилетнем возрасте. Никомидийский правитель игемон Александр, пораженный твердостью христианского ребенка и многими чудесными заступничествами за нее Всевышнего, уверовал в Бога Истинного, и принял крещение.

Мученик Неофит в 10-летнем возрасте изводил воду из камня, подобно Моисею, чтобы напоить своих товарищей-сверстников, и обратил таким образом многих людей ко Христу.

Отрок Пантелеимон, великомученик, известен как безмездный врач, по детской молитве которого, еще не христианина, ожил умерший мальчик, ужаленный змеей. Это чудо привело Пантелеимона к Богу, а затем он обратил своего отца-язычника и многих в Никомидии.

Юная великомученица Марина Антиохийская (IV век), дочь идольского жреца, в младенчестве потерявшая мать, 12-ти лет узнала о Христе. Свою веру исповедовала в страшных мучениях на глазах тысяч людей. Уверовавшие во Христа, благодаря святой Марине, 15 тысяч мужчин, женщин и детей войском игемона были усечены мечом, и, крестившись кровью, увенчались мученическим венцом («Святая молодость», с.121-131).

Тысячи христианских детей, целые сонмы святых отроков и отроковиц, утопленных, сожженных, посеченных мечем, растерзанных дикими зверями, имена которых знает один Господь⁴, восполняли легионы отпавших ангелов.

Помощь по молитвам святых детей в православной традиции – явление, весьма распространенное.

Святой Василий Мангазейский не раз помогал заблудившимся путникам и охотникам, исцелял расслабленных, слепых, сохранял малодушных от самоубийства.

Святой царевич Димитрий Углический, пожалуй, – единственный ребенок, образ которого включен в современный герб города. Каждый

⁴ Известен, например, мученик Вавила Никомидийский, учитель, и с ним 84 его ученика – мальчики и девочки, которые в начале четвертого века, претерпев бичение за Христа, были усечены мечем в Никомидии, откуда мощи их были перевезены в Византию. Сохранились имена только двоих из них – Аммония и Доната (память 4 сентября).

год 28 мая в городе Угличе отмечается светлый праздник св.отрока, на котором плащаницу, вышитую несчастной матерью царевича, трижды обносят крестным ходом вокруг храма «Димитрия-на-крови», а все присутствующие подводят под плащаницу своих детей. По молитвам отрока Димитрия до сего дня происходят чудеса исцеления.

Русские святые отроки своей кротостью, незлобием, терпением болезней пробуждали истлевшую совесть православных взрослых, были особым орудием Божиим для их вразумления и исправления.

В селе Бортсурманы Нижегородской губернии, в середине XIX века жил необыкновенный мальчик ангельского вида. Родители души в нем не чаяли, в селе все его любили за тихий нрав и особое мирное воздействие, которое распространялось на всех при его появлении. Ссоры, драки, нестроения затихали, как только ребенок появлялся в отдалении или подходил и просто смотрел. Однажды, в какой-то праздник, все мужики села во хмелю так жестоко передрались, что кругом лилась кровь, слышались ругань и стоны. Кто-то заметил, что мальчик тихо стоял и плакал, но драка не утихла. Мальчик вернулся домой и внезапно умер. Все жители села были потрясены, драчуны плакали и каялись, считая себя убийцами дивного отрока. Целую неделю не хоронили его, в храме шли службы, коленопреклоненные молитвы, и только когда появились явные признаки разложения, гробик принесли в храм, и началось отпевание. Старенький батюшка о. Алексей едва мог служить, а певчие – петь. Отец Алексей стоял в алтаре перед престолом с высоко поднятыми руками и с дерзновением зывал к Богу: «Боже мой, Боже мой, Ты видишь, что нет у меня сил дать отроку сему последнего целования. Не попусти же меня старца, раба Твоего, иерея, уйти из храма сего посрамленным, да не посмеется надо мною, служителем Твоим, враг рода человеческого... Внемли стенанию и плачу народа Твоего, внемли страданиям родительского сердца, внемли моему старческому иерейскому прошению... Не отнимай от нас отрока, Тобюю нам данного во исправление, для вразумления, для прославления имени Твоего Святого... По смирению, а не по гордости дерзаю...» (*иеромнах Дамаскин Орловский*, 1992, кн.1, с.38). Мальчик был воскрешен и прожил после этого еще 6 лет.

В наше время также встречаются подобные «особенные дети».

Вот рассказ матери (начало 80-х годов XX века): «Единственный ребенок, он рос ни на кого не похожим. Муж видел, что сын не вписывается в привычные рамки, но не мешал развиваться по-своему. В трехлетнем возрасте бабушка впервые взяла Петю в церковь. Дитя выстояло службу, не шелохнувшись, крестилось, подпевало, хотя никто его этому не учил. Отныне любимой игрой его было «в батюшку»: подвяднется платком, машет рукой, будто кадит, мурлыкает что-то церковное. Все время

просил: «Пойдем, мама, в церковь». Мать подводила малыша к оgrade, а сама шла на работу, потом отводила домой. А как в школу пошел, посещал храм без провожатых. Подружился с церковными людьми: грамотный мальчик был у стариков нарасхват. Переписывал им молитвы, акафисты, читал по покойникам. ...В школе дразнили, прорабатывали, пять раз он пересдавал математику одной атеистке-учительнице... Дома кротко говорил: «Христос терпел и я потерплю». Он ездил по святым местам, хотел поступить в монастырь. В 12 лет, купаясь в речке, мальчик утонул. Водолазы несколько дней не могли найти тело. Сверстники его ныряли и подняли утопшего со дна. И родители, и сверстники, и та учительница, будто очнувшись, благодаря Петру, обрели веру («Молитвы родителей», 1994).

На приеме у психолога, в конце 90-х годов, молодая мать из небольшого города на юге России рассказала, что ее маленькая дочка Улита с младенчества, заслышав звон колоколов, замирала и тянулась ручкой в сторону храма. Однажды мать все же принесла ее в храм и поразилась тому, как девочка стояла с широко открытыми блестящими глазами, молилась и плакала, не хотела уходить. Мать замечала, что девочка не играла, а подолгу стояла у окна и смотрела на купол церкви, видимый из окна. В пять лет Улита часто просила мать отвести ее в храм, «чтобы молиться за всех», но мать находила разные предлоги, чтобы не делать этого. «Я боюсь, – сказала она, – что дочка останется там навсегда» и... поменяла квартиру.

Такие дети, действительно, как будто бы обладают особой миссией – будить совесть, являя собой образ кротости и подобие ангельское. Св. Лаврентий Черниговский говорил, что в последние времена Господь некоторых живых, записанных в Книгу жизни, причислит к числу ангелов недостающего счета, вместо отпавших с Денницей. Эти люди уже при жизни будут предстоять пред очами Божиими в чине ангельском. Одно такое возвышенное существо, воплощенное в роде своем, может избавить от геенны целую цепь поколений.

Духовный смысл детской святости – в особом избранничестве Господом каждого ребенка для Царствия Божия и в его горячем отклике и желании идти за Христом. Однако, на деле – «много званых, но мало избранных». Необходима готовность самого ребенка к этому избранничеству, его особая *духовная одаренность*, которая есть чувствительность к знакам Промысла Божия, отзывчивость на переживание всего живого, всей твари, деятельная любовь и доверие. По словам св. Феофана Затворника, это есть «осознание себя не только разумным, свободным существом, но лицом, вступившим в обязательство, ответственным перед Гос-

подом, с которым соединен неразрывно...способность и стремление действовать по этому обязательству». Свидетельством такой любви и доверия могут служить детские молитвы – спонтанные обращения к Богу как Высшей инстанции с просьбой о благополучии всех (аналог «молитв за весь мир» Святых отцов).

Маленькая дочка Марины Цветаевой Ариадна, после московских событий 1917 года, когда в Кремле шли бои, а на улицах Москвы можно было увидеть кровь, раненых и убитых, каждый вечер молилась перед иконами: *«Спаси, Господи, помилуй: Марину, Сережу, Ирину, Любу, Асю, Андрюшу, офицеров и не-офицеров, русских и не-русских, французских и не-французских, раненых и не-раненых, здоровых и не-здоровых – всех знакомых и незнакомых. Аминь»*.

В 2000–м году в одной из подмосковных школ дети написали своеобразные письма к Богу: *«Боженька, сделай так, чтобы у нас в стране не было аварий. И чтоб никто не ругался матом!»* (Женя Б., 8 лет); *«Я хочу чтоб все-все было хорошо, у всех людей была какая-нибудь радость»* (Маша К., 7 лет). *«Господи, пусть будет хорошо на душе у всех людей. Пусть у всех бедных людей будет еда на столе. Пусть все люди будут дружными»* (Маша С., 8 лет).

Сокровенная мысль Христианства заключается в том, что, может быть, именно ребенок и есть тот идеальный человек, который был задуман Творцом. «Явление святости раскрывает эту глубину человека, которая светится тогда и во вне; то же мы имеем в детстве, где зло и грех, хотя и реальны, но слабы и ничтожны, и потому сквозь их темную преграду видно сияние образа Божия. Оттого в восприятии и понимании детства – ключ к тайне человека» (Зеньковский, 1996, с.76).

Попытка постижения исторического и духовного смысла детской святости для русской культуры заставляет выйти за рамки агиографии в сферу культуры в широком смысле этого слова, обратиться к той психологии, которая соответствует своему первоимени – науки о душе. Агиологическая психология совершает попытку постижения личности святого – явленного им типа, чина святости, выделения основной идеи того или иного подвига святости, формирующего житие. Тем самым дается возможность уяснения психологии святого подвижника, его внутреннего мира, что позволяет осуществить реконструкцию феноменов религиозной жизни. Это один из путей построения христианской психологии. «В ближайшей перспективе христианская психология должна раскрыть горизонты своего понимания человека. Это прежде всего понимание человека как богоподобной личности... Христианское понимание духовной жизни должно быть определено как предмет и задача», – считает декан факуль-

тета психологии РПУ им. Апостола Иоанна Богослова, священник Андрей Лоргус (цит. по: «Нескучный сад», № 5, 2002, с.25).

* * *

Подобно тому, как с детских портретов XVIII в. на нас смотрят маленькие старички и старушки в богатых одеждах и с атрибутами княжеской власти, на страницах житийной литературы образы детей-святых также в значительной степени оказываются лишены собственно детских черт. Но это не маленькие взрослые, это Великие дети, воплощающие собой христианский идеал подвижничества, кротости, безвинных страданий, образ униженного Христа, тем самым перекликаясь с подвигами страстотерпцев и юродивых, являющих собой истину, что *«сила Божия в немощи совершается»*.

Знаменательна в этом смысле икона первой половины XVII в. «Василий Блаженный и Артемий Веркольский», на которой ангельский образ 12-летнего отрока в белых одеждах знаменует собой духовное величие, взрослость духа, а св. Василий Блаженный, в поклоне, благоговейно испрашивает у него благословение.

Агиологическая психология детской святости показывает, что возрасты духовной жизни не совпадают с физическим возрастом человека. Дети, как небожители, живут рядом с нами неузнанными, о чем-то предупредая нас, и уходят – непонятыми. Они очищают нас от скверны своей чистотой, своим беззлобием учат любви. Они являют нам живой образ святости, содержание которой есть Сам Бог, чтобы мы могли увидеть, что такое Человек в его полноте.

ЛИТЕРАТУРА

Абраменкова В.В. Игры и игрушки наших детей: забава или пагуба? Современный ребенок в игровой цивилизации. – М., 2001.

Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.-Воронеж, 2000.

Алексий (Кузнецов), иеромонах. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. – СПб., 1913.

Архимандрит Иона. Основатель и настоятель Киевского Свято-Троицкого общежительного монастыря. Житие: подвиги и чудеса. – Издание Свято-Покровской Голоसेевской пустыни, 1995.

Виноградов Г.С. Русский детский фольклор, кн.1. – Иркутск, 1930.

Мир детства и традиционная культура // Сб.научных трудов и материалов / Сост. Е.И. Герасимова. – М., 1996.

- Выготский Л.С.* Проблемы дефектологии. – М., 1995.
- Иеромонах Дамаскин (Орловский).* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн.1. – Тверь, 1992.
- Дети-пророки: социогенетический анализ представлений об опасности в детской субкультуре // *Магистр*, 1997, №3.
- Житие и жизнь // «Нескучный сад», №1, 2004.
- Жития святых, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. – М., 1904 /Репринт.изд-е/.
- Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1996.
- Лепехин В.* Образ и святопись // *Духовно-нравственное воспитание*, № 5, 2002.
- Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в древней Руси. – Ленинград, 1984.
- Лотман Ю.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII- начало XIX века). – СПб., 1994.
- Маленький схимник. Житие и чудеса преподобного отрока Боголепа Черноярского, Астраханского. – Астрахань-Санкт-Петербург, 2003.
- Мионов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX - начале XX веков. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР.* – М., 1977.
- Молитвы родителей за детей своих. – М., 1994.
- Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). – М., 2000.
- Русские святые: 1000 лет русской святости / Жития собрала монахиня Таисия (Татиана Георгиевна Карцева).– СПб, 2001.
- Архимандрит Сахаров Софроний.* Старец Силуан. – М., изд. Сретенского монастыря, 2000.
- Святая юность. Рассказы о святых детях и о детстве и отрочестве святых.– М., 1994.
- Святая молодость. – М., 2002.
- Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самоочевидцев. – М., 1998.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека. Введение в психологию субъективности. – М., 1995.
- Словарь исторический русских святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. – М., 1990.
- Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. – М., 1995; Т.2 – М.,1998.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т./Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд. – СПб, 1996, с.585.
- Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. – М., 1990.
- Хейзинга Йохан.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры. – М., 1997.